

<1835–1836>. *Поэзия и проза.*

<...> У нас распространяется мнение, что время поэзии минуло, и у нас громче и громче требуют прозы, — дельной, — я чуть было не сказал: *деловой* прозы. Утилитарная система, для которой щей горшок вдсятеро важнее всех богов Гомера, всего мира Шекспира, и у нас с дня на день приобретает новых поклонников. И у нас занятия словесности перестают считать призванием (*vocation*), священством, трудом бескорыстным и чистым, великим, возвышенным. — Лет пятнадцать назад молодой человек, начиная свое литературное поприще, бился не из многого: если журналист удостоивал принять его статейку о том, другом, третьем, его стишки, конечно, еще слабые, его перевод с французского или немецкого — юноша был доволен; он был совершенно счастлив, когда вдобавок редактор в коротком замечании отзывался о нем с похвалою покровителя, как о таланте, подающем хорошие надежды. Тогда еще редко брали плату за сотрудничество писатели даже опытные; корыстолюбием оживлялись одни почти хозяева (и то не все) наших немногих повременных изданий, — порою, конечно, взиравшие на тщеславную, но великодушную молодежь с улыбкою покровительства и сожаления; они одни, быть может, издевались над явлением, которого они не способны были понять, но которое истинно было прекрасно. — Ныне едва ли найдут повод к подобным насмешкам: народ *поумнел*; ныне и 18-летний стихотворец очень хорошо знает цену деньгам и продает свои элегии.

Еще хуже: и у нас хотят превратить литераторов не в ремесленников (это было бы еще сносно), нет — в гаеров, ломающихся в угоду и для развеселения толпы бессмысленной. И у нас писатель даровитый, учености редкой, любимый публикою, писатель, при *других* *понятиях* достойный бы быть ее вождем и наставником, не постыдился подписать имя, конечно, вымышленное, но уже всем известное, под словами, которых, признаюсь, я никак бы <не> ожидал от человека, не чуждого иногда вдохновения. «Стихотворения, — говорит Барон Брамбеус, — стихотворения, то есть поэмы в стихах, и поэмы в прозе, то есть романы, повести, рассказы, всякого рода сатирические и *описательные* (?) творения, назначенные к *мимолетному* услаждению образованного человека, — вот область словесности и настоящие ее границы».

Что до меня, я бы лучше согласился быть сапожником, чем трудиться в *этих* границах и для *этой* цели. <...>

Примечания:

Впервые: Литературное наследство. Т. 59. М.; Л. 1954. С. 391–394 (публ. В. Н. Орлова). 1835–1836. Эта заметка, выросшая из дневниковых записей Кюхельбекера апреля-мая 1835 г., предназначалась для пушкинского журнала «Современник». Пушкин не прерывал

контактов с находившимся в ссылке лицейским товарищем и содействовал тому, чтобы Кюхельбекеру было разрешено анонимно печатать свои сочинения.

¹ Кюхельбекер цитирует статью О. И. Сенковского «Брамбеус и юная словесность», напечатанную в редактируемом Сенковским журнале «Библиотека для чтения» (1834. Ч. 3). Дневниковая запись о чтении статьи Брамбеуса сделана Кюхельбекером 3 апреля 1835 г. (*Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи... С. 360*).